

ПЕРВЫЙ ШАГ

Урок тянулся, тянулся медленно, одна тугая, резиновая минута следовала за другой, удлинялась, растягивалась, вибрировала вместе со светом люминесцентных ламп, мерцавших под потолком. За окном классной комнаты слоилась тёмно-серая мгла: на улице бушевала майская гроза. Вспышки молний рисовали на стенах размытые силуэты теней, глухие раскаты грома ненадолго заглушали сонное шушуканье учеников, шарканье ног, шелест бумажных страниц, скрип деревянных стульев. В третьем классе шла контрольная по математике.

Дима Соловьёв, давно уже решивший все примеры и задачу, терпеливо ожидал окончания урока. От нечего делать он чертил в тетради какие-то замысловатые фигуры, составлявшие сложный, причудливый узор. Мысли его были далеко, они носились на воле, за пределами полутёмного класса, вдали от школы, от грозы, от нестерпимо медленного течения времени.

Внезапно он ощутил, как к его спине прикоснулось что-то острое: сидевший позади него Никита Хохлов имел неприятную привычку привлекать к себе внимание, тыкая в спину карандашом. Дима хотел обернуться, но вовремя заметил, что учительница строго смотрит в его сторону. Когда опасность миновала, он мельком взглянул на Хохлова, спрашивая одними глазами: «Что нужно?»

– Какой ответ в третьем примере? – громогласно, чуть ли не на весь класс, прошептал Хохлов.

Учительница услышала и постучала по столу концом шариковой ручки.

– Тихо! – сказала она и укоризненно посмотрела на Диму, как будто это он, а не Хохлов, нарушил тишину.

Класс замер на мгновение, потом прерванное шуршание и шушуканье возобновилось. Дима написал на тыльной стороне ладони цифру 25 и повернул руку так, чтобы её было видно с задней парты. Довольный Хохлов радостно хрюкнул за его спиной.

Снова потекли однообразные минуты. Дима поднял глаза на часы, висевшие над классной доской, но те остановились две недели назад и до сих пор стояли, показывая половину четвёртого.

Тут он вновь почувствовал прикосновение к спине, но не успел обернуться. На парту упала скомканная бумажка, ловко переброшенная сзади через его плечо. Он развернул записку и прочёл: «На физкультуру сегодня не идём встречаемся на перемене у выхода из школы передай дальше».

Судя по корявому почерку и отсутствию знаков препинания, автором записки был не кто иной, как Пашка Фокин. К тому же только он мог позволить себе выражаться в столь безапелляционной манере. Второгодник и переросток, Пашка превосходил одноклассников не только возрастом, но и чрезвычайно развитым воображением, позволявшим ему замечать увлекательное в обыденном, интересное – в привычном. В его голове беспрестанно рождались идеи, главным образом из числа таких, которые идут вразрез с хорошей успеваемостью и примерным поведением. Склонность к проказам мешала ему учиться, но, в то же время, делала признанным лидером среди мальчишек. Девочки относились к нему скептически.

После урока математики в вестибюле школы состоялось импровизированное собрание. Пашка Фокин председательствовал.

– Вы знаете, что в парке на Народной улице забил ключ? – спросил он, пристально вглядываясь в лица окружавших его ребят, чтобы оценить впечатление, произведённое его словами. Кое-кто из мальчиков пожал плечами, послышалось несколько отрицательных возгласов, а Женя Колесов уточнил:

– Какой ключ? Ты имеешь в виду родник?

– Точно, родник! – подтвердил Фокин.

– Ну и что? – без особого энтузиазма поинтересовался Женя.

– Как что? Об этом пока ещё никто не знает. Я сам только вчера его обнаружил. Он бьёт в самом конце парка, там, где почти никто не ходит. Мне кажется, нам нужно выкопать пруд! Это просто: выроем яму, она сама заполнится водой из ключа. Летом будем купаться, напустим рыбы, понимаете?

Головы мальчиков закивали, глаза загорелись. Многие были готовы немедленно приняться за дело. Только Дима, стоявший в заднем ряду, пожал плечами. Рытьё пруда представлялось ему довольно трудной и бессмысленной затеей, но он не осмелился высказать своё мнение, тем более что оно, по-видимому, противоречило мнению большинства.

– Так что, идём? – призвал Фокин, безошибочно уловивший перемену в настроении ребят.

– Подождите! – перебил Женя Колесов. – А физкультура?

– Подумаешь, физкультура! Прогуляем разок, ничего не случится, – заявил Фокин. Его поддержал нестройный хор голосов.

– Если один или два человека прогуляют – ничего, – возразил Женя, – а когда весь класс не придёт на урок, начнут искать, поднимут переполох, станут звонить родителям.

– Пусть звонят! – самодовольно ответил зарвавшийся Фокин, надеясь опять снискать поддержку одноклассников. Но, вопреки его ожиданиям, мальчишки призадумались. Каждый взвешивал в уме последствия прогула. Многие находили их не слишком приятными.

– Давай, пойдём после уроков, – предложил Женя.

Мысль, конечно, была разумной, но Фокин не спешил соглашаться. Быстрая уступка грозила подорвать его авторитет, а авторитет, как известно, такая штука, которую трудно заработать и очень легко потерять. Кроме того, он терпеть не мог учителя физкультуры и пользовался любым предлогом, чтобы как-нибудь избавиться себя от присутствия на его уроках.

– Струсил! – обвинил он Женю. – Так и скажи!

– Ничего я не струсил! – ответил тот подчёркнуто невозмутимым тоном, в котором, однако, слышался вызов.

– Ну и ладно, иди на свою физкультуру! – процедил Фокин. – Кто со мной? Кто не боится?

Ребята стояли в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Никто не решался сделать шаг вперёд, заявив о своём презрении к школьным порядкам во имя дружеской солидарности.

– А чем вы собираетесь копать? – вдруг спросил Женя.

– Тебе-то какое дело? – огрызнулся Фокин. Он чувствовал, что его план близится к провалу.

– Ну, а всё-таки?

– Вчера вечером я спрятал в парке лопаты.

– Сколько?

– Две штуки.

– Тогда тем более не стоит идти всем вместе. Лучше сделаем так: четверо пойдут сейчас, – двое копают, двое отдыхают, остальные – после физкультуры. Я скажу учителю, что вас забрали на прививки. Идёт?

– Идёт, – ворчливо согласился Фокин. Всё-таки это была победа, пусть неполная, не вполне отвечавшая его ожиданиям, но всё же сохранявшая его репутацию лидера. «А этот Колесов что-то слишком много на себя берёт, – решил он. – Ничего, как-нибудь я его проучу!»

– Кого возьмёшь с собой? – спросил Женя, исподволь возвращая бразды правления Фокину и, вместе с тем, исключая себя из числа кандидатов.

«Вот тебя-то бы и заставить покопаться как следует! – подумал мстительный Фокин. – Возьму-ка я Димона, его дружка!» А вслух сказал:

– Кто у нас покрепче? Соловьёв, Хохлов, Полетаев.

У Димы, давно потерявшего всякий интерес к спору, опустились руки. Он никогда ещё не прогуливал уроков, тем более – физкультуру, один из самых любимых своих предметов. Но делать было нечего. Он натянул на себя лёгкую курточку, взял рюкзак и вышел на улицу.

Народная улица располагалась недалеко от школы. Через несколько минут ребята очутились перед большими распахнутыми воротами в парк. Их встретил приветливый шум молодой листвы. Гроза закончилось. Небо опять было синим, безоблачным. Палило солнце. Духота поднималась от земли прозрачными облачками пара, висевшими над газонами. Свежая, вымытая трава блестела как зелёный ковёр, усыпанный мелкой алмазной крошкой.

Они остановились в самой глубине парка, неподалёку от какого-то старого, обрушающегося здания без окон и примыкавшего к нему такого же старинного, покосившегося забора. Посреди широкого пространства газона, заросшего и неухоженного, из земли сочилась тонкая, прозрачная струйка воды. От неё начинался ручеёк, спускавшийся под уклон и терявшийся в рыжих, соломенных пучках прошлогодней травы.

Фокин достал из кустов две штыковые лопаты, одну оставил себе, другую передал Хохлову. Вдвоём они приблизились к ручейку и принялись копать, неловко орудуя длинными, толстыми черенками. Вскоре оба выдохлись. Пашка первым бросил работу, отдышался, снял куртку и свитер и остался в одной рубашке, мокрой подмышками.

– Смени меня, – глухо буркнул он Диме, стоявшему на дорожке.

Лопата показалась Диме необыкновенно тяжёлой, а ямка, вырытая Фокиным и Хохловым – крошечной по сравнению с огромным пространством газона. Прерванное русло ручья расширилось, вода разлилась по земле, и без того уже мокрой от недавнего дождя. Ноги хлюпали, увязая в коричневой жиже. Дима пожалел свои новые кроссовки и сделал шаг назад.

– Слушай, Паш, а мы тут надолго? – спросил он.

– Это как работать будем, – ответил Фокин, сидевший на бордюрном камне рядом с Ваней Полетаевым. – Если только и делать, что топтаться вокруг ямы, глубже она не станет.

– За мной мама придет после уроков, – пояснил Дима. – Я сейчас покопаю немного, а потом пойду назад, в школу.

– Ну вот! Что же ты раньше не сказал! Надейся на вас!

Дима стал оправдываться:

– Я же поработаю, сколько смогу!

Но Фокин только хмыкнул, как будто хотел сказать: «Знаем мы таких копальщиков! Маменькин сынок!»

Пристыженный, Дима подошёл к яме, воткнул лопату в намокшую землю, навалился на неё всем телом и почувствовал, как она неестественно быстро погружается, исчезая под водой. Вначале скрылось лезвие, затем всё полотно и, наконец, под землю начал уходить черенок.

Дима оторопел. Он вцепился руками в гладкую деревянную рукоятку и дёрнул что было сил. Внизу, под его ногами, что-то жирно хлопнуло. Лопата не подавалась. Тогда он присел и ухватился за черенок возле самой земли. Напрягая спину, ноги и плечи он потащил лопату и, в конце концов, выдернул её из мокрой грязи.

– Как ты там? – ехидно поинтересовался Фокин.

– Нормально, – ответил Дима.

– Помочь? А то, вон, Иван тут совсем засиделся. – Он кивнул на Полетаева.

– Не нужно. Я сам.

Дима сделал вид, что не заметил пренебрежительного тона Фокина. Он, разумеется, понимал, что дал маху, но не желал признаваться в этом перед всеми. Самое обидное заключалось в том, что ему не однажды приходилось помогать бабушке на огороде, и он считал, что неплохо управляется с лопатами, граблями и тяпками. Но одно дело работать на грядке, не спеша, в своё удовольствие, и совсем другое – копать в тяжёлой, влажной земле под прицелом трёх пар оценивающих глаз: даже Хохлов перестал копать и ждал дальнейшего развития событий.

«Ладно! – подумал Дима, – сейчас я вам покажу!»

Он шагнул вперёд, краем глаза успев заметить, как новые кроссовки покрываются слоем коричневой грязи, опустил остриё лопаты, намереваясь воткнуть его в землю, но не успел. У него вдруг возникло странное ощущение, подобное тому, какое бывает, когда сколь-

зишь вниз по длинной ледяной горке. Ему показалось, что почва уходит у него из-под ног, проминается под ним как мягкая вата. Ступни и лодыжки обдало холодом. Дима опустил лопату и попытался поднять одну ногу, затем другую, но у него ничего не вышло – обе ноги погрузились в грязь и продолжали проваливаться тем глубже, чем больше он старался их высвободить. Грязь уже подбиралась к его коленям.

– Эй, Пашка! – крикнул Хохлов, – смотри, Димона засасывает!

Трое мальчишек подбежали к Диме и остановились в нескольких шагах, не рискуя приблизиться к топкому месту.

– Точно! Как в кино про зыбучие пески! – воскликнул поражённый Фокин. В его голове, одна за другой, замелькали калейдоскопические картины: морское побережье, пустынный пляж, дюны, дюны, извилистые дорожки, оставленные ветром на песчаных холмах...

– Что делать-то будем? – прокричал взволнованный Хохлов.

Положение Димы продолжало ухудшаться. Несмотря на отчаянные попытки высвободить ноги, он всё глубже погружался в предательскую трясину.

– Не шевелись! Замри! – велел ему Фокин. – Чем больше барахтаешься, тем быстрее уйдёшь на дно. Что там, внизу? Чувствуешь под ногами что-нибудь твёрдое?

– Нет, – жалобно простонал Дима, стараясь не шевелиться. Грязь уже доходила ему до середины бёдер.

– Ясно. Не трусь, сейчас мы тебя вытащим! Хохлов, бери лопату! Протяни её Димону! Да не так, другой стороной, ручкой вперёд!

Видя, что Хохлов замешкался, Фокин бросил распоряжаться и отнял у него лопату, но вместо того, чтобы вытащить Диму, сам провалился в грязь по самые щиколотки.

– Ай! – взвизгнул он и поспешил поскорее выбраться на твёрдую землю.

– Ручка слишком короткая! – сказал Пашка, бросая лопату на землю. – Пойдём, поищем что-нибудь подлиннее!

Мальчишки разбежались по парку. Дима остался один. Он чувствовал, как трясина затягивает его, секунда за секундой, сантиметр за сантиметром. Ледяной холод, охвативший его ноги, начал распространяться по всему телу. Вдруг что-то противно булькнуло под ногами, земля зашевелилась, как живая, и Дима провалился глубже, почти по пояс.

Он закричал, дико, пронзительно, не формируя слов, но крик потерялся среди деревьев, среди мерного шума городских улиц, среди грая грачей и тихого шелеста весеннего ветерка. Ребята не услышали его. Дима крикнул ещё раз. На третьем крике его голос сорвался и едва не перешёл во всхлипы, испугавшие его сильнее самой трясины. Дима никогда не плакал. До сих пор он считал, что вовсе не способен на это и с некоторым удивлением, отчасти свысока смотрел на плачущих детей любого возраста.

К счастью, расплакаться он не успел. Внезапно прямо перед ним раздвинулись едва зазеленевшие кусты, и на дорожку вышел большой неуклюжий человек в коричневом плаще. В руках он нёс две большие матерчатые сумки, набитые каким-то тряпьём. Его лицо покрывали морщины, спина была сгорбленной, как у очень пожилых людей, даже голос оказался каким-то древним, шуршащим как тростник, со скрипучими нотками в окончаниях слов.

– Ты чего кричишь? – спросил старик, опуская на землю свои большущие сумки.

– Помогите! – чуть слышно выдавил из себя Дима, не смея верить что сейчас, сию минуту, ему поможет взрослый человек, пусть странноватый, немного страшный, но всё-таки куда более могущественный, чем он сам.

В представлении Димы взрослые были наделены таинственной созидательной силой. Что бы они ни делали, за что бы ни брались, всё получалось большим, настоящим, всамделишным, в то время как всё, что делал он сам, выходило каким-то незначительным и имело мало влияния на его собственную жизнь, не говоря уже о жизнях других людей. Взрослые умели отличать действительное от кажущегося и чаще всего бывали правы в своих оценках и суждениях, поэтому Дима привычно ожидал от них, во-первых, справедливости, и, во-вторых, немедленного и радикального решения любых проблем.

– Как же это тебя угораздило? – спросил старик своим шелестящим полущёпотом. – Видишь, какое дело, – добавил он, – прорвало трубу. Надо бы сообщить куда следует.

– Вытащите меня, пожалуйста! – попросил Дима сдавленным голосом.

– Да, да, сейчас, – ответил старик. Он подобрал лопаты, валявшиеся на земле, сложил их рядышком, параллельно друг другу, ступил на них ногами, покачался, чтобы проверить, не проваливаются ли, потом

нагнулся, подхватил подмышки оцепеневшего мальчика и не без труда извлёк его из громко чавкнувшей жижи.

Дима успел разглядеть оббитые носы ботинок старика, почувствовать силу его рук, уловить приторно-кислый запах давно не мытого человеческого тела, но все эти впечатления были до того мимолётными, что слились в одно, и в то же мгновение сменились ликованием: он был свободен!

С его форменных школьных брюк отваливались целые пласты разноцветной грязи, полы пиджака промокли насквозь, с них капала вода. Ему представилось расстроенное лицо мамы, и это отчасти остудило его восторг. Он застыл на месте, борясь с наплывом противоречивых мыслей и чувств. А старик, как ни в чём не бывало, молча поднял свои сумки и уже собирался уходить, когда на дорожке появился Пашка Фокин с длинной берёзовой палкой в руках.

– Эй, Вонючка! – весело крикнул Фокин, заметив старика. – Ты чего здесь делаешь?

Старик вздрогнул, съёжился, как будто ожидал удара. Сумка выпала из его руки. Столь явное проявление страха ещё более раззадорило Пашку.

– Иди, иди отсюда! – прокричал он, – а то провоняешь весь парк! Тут и без тебя дышать нечем!

Оправившись от первого испуга и заметив, что имеет дело всего лишь с мальчишкой, старик выпрямился и пригрозил:

– Я вот тебе, шалопай! Больно много разговариваешь!

– Чего ты мне, чего? – В голосе Пашки звенели презрение и насмешка.

– Уши надеру!

– Руки коротки!

– А вот посмотрим!

Старик сделал несколько шагов навстречу Пашке, но тот энергично замахал перед ним длиннющей палкой, и старику пришлось отступить.

– погоди, я до тебя доберусь! Пожалуюсь в школу! – пробормотал он.

– Да кто тебя пустит в школу? Проваливай отсюда, кому говорю!

С палкой наперевес, Пашка перешёл в решительное наступление. Старик почёл за лучшее не связываться и скрылся в кустах, прикрываясь сумкой и что-то бормоча себе под нос.

Избавившись от присутствия старика, Пашка повернулся к Диме.

– А! Я смотрю, ты уже выбрался! – воскликнул он, не обращая внимания на перепачканный костюм и потерянный вид товарища. Он всё ещё переживал свою победу над стариком и чувствовал себя главным и единственным героем на сцене текущих событий, тогда как Дима оставался не более чем пассивным свидетелем, чья роль состояла лишь в том, чтобы завидовать Пашке и аплодировать его смелости.

– Зачем ты с ним так? – спросил Дима.

– Что? – удивился Фокин.

– Зачем ты его прогнал?

– Как зачем?

– Он помог мне выбраться из грязи.

– Так это он тебя вытащил?

Дима кивнул.

– Что же ты сразу не сказал?

– Не знаю, как-то растерялся.

Из кустов показались Хохлов и Егоров.

– Эй, слышали? – крикнул им Пашка. – Вонючка вытащил Димона из грязи!

– Какой это Вонючка? – спросил Хохлов. – Не тот, который копается в мусорных баках?

– Тот самый.

– Фу! – скривился Хохлов. – Представляете, какие у него грязные руки! Теперь Димону придётся целую неделю отмываться!

Все засмеялись, кроме Димы.

– Ладно, пошли в школу! – скомандовал Фокин. – Предупредим наших, что копание на сегодня отменяется, а то нагрянут сюда, ещё кто-нибудь провалится. – Он вдруг вспомнил, что за Димой скоро приедет мама. Диме, конечно, всё равно попадёт, но если его не окажется в школе, и начнутся поиски, тогда, пожалуй, достанется и самому Пашке, как организатору всего этого злополучного мероприятия.

– Верно! – согласился Егоров, так и не успевший взять в руки лопату и несколько не сожалевший об этом.

Они подобрали свои рюкзаки и побрели назад, в школу. По дороге Дима спросил Хохлова:

– Слушай, а кто такой этот Вонючка?

– Не знаю, – ответил Хохлов без особого интереса. – Какой-то ненормальный.

– Почему ненормальный?

– Сам подумай: ходит зимой и летом в одном и том же плаще, таскает с собой сумки, набитые неизвестно чем, копается в помойках, не моется, воняет от него. По-твоему это нормально?

– Может быть, он просто бедный?

– Да уж точно не богатый.

– А где он живёт?

– Откуда я знаю? Ты бы его самого спросил. Я к нему в гости не собираюсь.

На этом их разговор завершился, потому что они вышли на школьный двор и Дима заметил у ворот мамину машину: яркое красное пятно на фоне тёмно-серого асфальта. Мама дождалась его внутри. Она слушала музыку: на улицу просачивались высокие трели скрипок и плотный гул контрабасов.

Дима открыл заднюю дверь, но, посмотрев на свои брюки, не рискнул забраться в машину.

– Мам! – позвал он.

Мама повернулась к нему, и глаза её вспыхнули от удивления: она заметила жалкое состояние Диминого костюма. Музыка стихла.

– Бог мой! Где же ты так извозился? – спросила она.

– Так уж получилось, – туманно объяснил Дима.

Мама вышла из машины, достала из багажника старый плед и растелила его на сидении.

– Забирайся! – велела она, помогая Диме снять рюкзак. В её голосе не чувствовалось раздражения, напротив, казалось, ей с трудом удаётся сдерживать смех.

– Ну и вид у тебя! – сказала она. – В самый раз, чтобы поехать в гости! А я-то собиралась отвезти тебя к дедушке.

– Значит, теперь не получится? – спросил разочарованный Дима.

– А ты бы хотел поехать?

– Конечно!

– Ну, тогда придётся принять неотложные меры для приведения тебя в человеческий вид.

– А потом поедем?

– Потом поедем.

Дима широко улыбнулся и не прокричал, а прошептал: «Ура!»

Мама села за руль, и они отправились домой. Там Диму отмыли, переодели, накормили обедом и, спустя какое-то время, он опять сидел в машине, рядом с мамой, наблюдая, как тонкие палочки дворни-

ков быстро елозят по лобовому стеклу, не в силах справиться с яростным натиском воды: в небе снова громыхала гроза.

Дедушка жил за городом, в собственном доме с садом и гаражом, переделанным в мастерскую.

– Зайди в дом, поздоровайся, потом пойди погуляй, – сказала мама.

– Нам с дедушкой нужно поговорить.

– Машину во двор не загонишь? – спросил Дима.

Мама отрицательно покачала головой.

– Значит, мы ненадолго?

– Не очень надолго.

– Ну вот! – расстроился Дима.

– Не переживай, если хочешь, можешь приехать к дедушке на выходные.

– Правда?

– Конечно! Разумеется, если он не против.

– Сейчас я его спрошу!

Дима мигом договорился с дедушкой о предстоящих выходных, получил от него шоколадный медальон и величайшую ценность – ключ от гаража-мастерской.

Из гаража на него пахло сладковатым запахом земли: под полом находился погреб. Он включил свет. Вдоль левой стены стояли деревянные верстаки, заваленные коробками с болтами, шурупами, гвоздями, шайбами и прочей железной мелочью. На одном из верстаков были установлены гигантские тиски, на другом – тиски поменьше. С противоположной стороны находились электрические станки: токарный, сверлильный, шлифовальный. У дальней стены, на растрескавшемся деревянном чурбане, покоилась тяжёлая чёрная наковальня. Все стены были увешаны полками, вмещавшими множество сокровищ: штангенциркули, микрометры, метчики, плашки, воротки, надфили, отвёртки и гаечные ключи всех форм и размеров.

Попадая в гараж, Дима забывал о времени. Он мог часами разглядывать какой-нибудь инструмент, открывать и закрывать коробочки, наполненные таинственными железками, иногда острыми, иногда шероховатыми, иногда гладкими и приятными наощупь. Нередко у него возникало ощущение, что инструменты разговаривают с ним, что им хотелось бы научить его преобразовывать мир, создавать настоящие взрослые вещи. Он силился понять их речь, выраженную не словами, а изгибами металлических поверхностей, блеском полированных граней, и что-то таинственное снисходило на него и он сам, пожалуй, не

смог бы сказать, о чём он думал в такие минуты, но размышления были приятными и он улыбался.

Войдя в гараж, Дима взял с верстака микрометр, измерил толщину своего волоса и убедился, что она не изменилась с прошлой недели. Вращая в руках увесистый прибор, он неожиданно вспомнил старика, встреченного им в парке.

«Интересно, что он носит в своих сумках? – подумал Дима. – Вряд ли что-нибудь ценное. Что хорошего можно найти в мусорных баках? Как же он дошёл до такой жизни, что даже Пашка Фокин обращается к нему на «ты» и гоняет его палкой?»

Он размышлял о судьбе старика до тех пор, пока дверь гаража не распахнулась, затопив помещение свежим запахом влажной зелени. На пороге стоял дедушка с целой охапкой кухонных ножей в руках.

– Как дела? – бодро спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: – Давай-ка точить ножи!

– Давай! – радостно согласился Дима. – На станке точить будем?

– Кто же точит на станке? Наждак снимает слишком много металла. Этак ножей не напасёшься! Вот точильные камни – совсем другое дело! Процесс, конечно, медленный, но верный, и нервы успокаивает.

– А ты нервничаешь?

– Теперь уже нет. Чего ж ты стоишь? Тащи бруски во-он из того ящика!

Пока дедушка замачивал точильные камни в воде, Дима спросил его:

– Дед, скажи, а как становятся бедными?

– Ну и вопросы ты стал задавать! – ответил дедушка, нарочито медленно почёсывая в затылке. – Взрослеешь! – Он помолчал. – Бедность происходит от общественного неравенства. Раз есть богатые, значит, обязательно должны быть и бедные, по тысяче, а то и по несколько тысяч на каждого богача.

– Как это? – не понял Дима.

– Как? Ну, смотри: живёт себе, к примеру, капиталист, у него полно денег – за всю жизнь не истратишь, полно собственности, а ему всё мало, он хочет больше и больше, и чем больше он накапливает, тем меньше остаётся другим, понимаешь?

– Не очень. Зачем же капиталисту столько денег?

– Эх ты, охламон! У жадности нет границ. Иным людям сколько ни дай, им всё мало, всё норовят захватить побольше и оставить нас, бедняков, с носом.

– Дедушка, разве ты бедный? – Дима с изумлением посмотрел по сторонам, стараясь охватить взглядом все те сокровища, что хранились в гараже.

– Конечно бедный! – ответил дедушка, вылавливая из кадки с водой двухцветный брусок. – Знаешь, какая у меня зарплата на заводе? – лучше и не говорить, чтобы не осрамиться. Так, ну, давай вон тот, самый большой нож с коричневой ручкой.

Дима протянул дедушке нож и стал с интересом наблюдать за процессом заточки, потом попробовал точить сам и так увлёкся, что забыл о разговоре, о странном старике с сумками и обо всём остальном.

Он вспомнил дедушкины слова только в машине, когда они с мамой, уже в сумерках, возвращались домой.

– Мам, а мы капиталисты? – спросил он, нарушив затянувшееся молчание.

Мама не сразу поняла суть вопроса, а когда смысл сказанного дошёл до неё, она пристально взглянула на Диму чтобы понять, не шутит ли он. Но лицо мальчика было серьёзным.

– Какие же мы капиталисты? – ответила она.

– Но мы ведь богатые.

– Вовсе мы не богатые, с чего ты взял?

– У нас есть машина.

– Теперь у всех есть машины.

– Нет, не у всех.

– Так, я начинаю подозревать, что дедушка опять наговорил тебе лишнего. Ну, рассказывай, о чём он там разглагольствовал в этом вашем жутком гараже!

– Ни о чём он не разглагольствовал, просто сказал, что у него маленькая зарплата и что в этом виноваты капиталисты.

– Ну конечно! Кто же ещё?

– Разве не они?

– Всегда проще обвинить в собственных проблемах кого-нибудь другого.

– Значит, дело не в капиталистах?

– Думаю, нет.

– Откуда же тогда берутся бедные?

– Что значит «бедные»? Такие, как дедушка?

– Нет, дедушка не бедный.

– Я тоже так думаю. Какие же тогда?

- Например, такие, которым нечего есть, негде жить...
- Ах, такие! Видишь ли, некоторые просто не хотят работать, лентясы, пьянствуют, а потом жалуются. Сами виноваты.
- А нельзя им как-нибудь помочь?
- Боюсь, что нельзя. Знаешь, чего им по-настоящему не хватает? – силы воли. Этим не поделишься.

Машина въехала под арку многоэтажного дома и закружилась по двору в поисках места для парковки. Припарковавшись, мама заглушила мотор и повернулась к Диме.

- Скажи, а почему тебя вообще это интересует? – спросила она.

Дима пожал плечами: рассказывать про старика не было настроения. Он не боялся, что мама не поймёт. Ему почему-то казалось, что простой пересказ утренних событий не передаст того, что он чувствовал, не выразит причину его беспокойства, которую он и сам не очень-то понимал.

- Послушай моего совета, – сказала мама. – Держись подальше от подобных людей. Они бывают грубыми, неприятными, даже опасными. Договорились?

Дима кивнул.

На следующее утро, по дороге в школу, он встретил Женю Колесова, жившего в соседнем доме. Они часто встречались по утрам и считались друзьями, хотя их дружба не распространялась за пределы школьных стен.

- Ты чего какой? – спросил Колесов.
- Какой? – ответил Дима.
- Не знаю, грустный какой-то.
- Не грустный, а задумчивый.
- А задумчивый чего? Дома влетело за вчерашнее?
- Нет, совсем не влетело.
- Везёт тебе! – воскликнул Женя не без некоторой зависти. – А Фокину вчера досталось от родителей. Говорят, он забыл принести домой лопаты, пошёл за ними вечером, да поздно: кто-то их уже утащил.

– Как всегда, – сухо прокомментировал Дима. Пашка и правда вечно попадал в разнообразные переплёты, в этом не было ничего удивительного.

- Да уж, бедный Пашка! – посочувствовал Женя.
- Какой же он бедный? Просто бестолковый.
- Тоже верно.

– Слушай, а ты знаешь кого-нибудь по-настоящему бедного?

– В смысле – нищего?

– Ага.

– Знаю.

– И я знаю. Как думаешь, откуда они берутся?

Женя задумался.

– Моя мама говорит, – ответил он, наконец, – что если я буду плохо учиться, то стану таким же нищесбродом, как мой папаша.

– Да я не про это.

– Про что же?

– Взрослые всё могут. Почему же они допускают, чтобы были бедные?

– Видно могут, да не всё, – улыбнулся Женя, – иначе все бедные стали бы богатыми.

– Ну ладно, не всё, но многое. Вот если бы я, например, голодал, ты бы мне помог?

– Если бы было чем, помог бы.

– Почему же взрослые не помогают друг другу?

– Потому что взрослых видал сколько? Всем не поможешь. Одно дело помочь знакомому человеку, а с какой стати помогать незнакомому?

– А мне вчера помог один совершенно незнакомый старик, знаешь? Вытащил меня из грязи. Я провалился почти по пояс, а он меня спас.

– А, Вонючка! Так это ж ему ничего не стоило.

Настала очередь Димы задуматься.

На площадке перед школой было многолюдно. Несмотря на ранний час, воздух был тёплым и таким свежим, что дышалось как-то особенно легко, и каждый вдох напоминал о пробуждении природы, о скором наступлении жары и о грядущих каникулах. Вскоре прозвенел звонок и школьный двор опустел. Начался ещё один, самый обыкновенный учебный день.

После уроков Дима отправился в парк. На месте вчерашних раскопок зияла глубокая яма. Дорожка была засыпана мокрым песком. Тут же лежали отрезки проржавевших труб.

Дима заглянул в яму. На дне стояла вода. Он бросил вниз маленький камешек, услышал отчётливый, звонкий «плюх!», посмотрел на разбегавшуюся рябь, всколыхнувшую грязную воду, и пошёл домой.

Незаметно пролетели последние майские дни. Занятия в школе закончились. Первого июня Дима готовился к отъезду в летний лагерь,

собирал самое необходимое, укладывал в рюкзак. Потом приходила мама, вынимала уложенные вещи, осматривала их, одну за другой, и откладывала в сторону. Дима возражал. Мама настаивала на своём. Споры продолжались всё утро, то утихая, то разгораясь с новой силой, и закончились только к обеду.

– Хватит пререкаться! – сказала мама. – Сходи-ка лучше за хлебом, а я, тем временем, закончу укладывать сумку и рюкзак.

Дима не стал дожидаться лифта. Он бегом спустился по лестнице, вышел из подъезда и заспешил по улице, размышляя о лете, о трёх восхитительных месяцах свободы, казавшихся ему нескончаемо длинными в своей необозримой протяжённости. Радость неслась за ним по пятам, иногда настигала, переполняя его восторгом, и тогда он ещё ускорял свой шаг, торопясь чувствовать в себе бурное течение жизни.

Он вышел, почти выбежал из-под арки, свернул налево и неожиданно натолкнулся на неуклюжего человека в коричневом плаще, ковылявшего по улице с большими сумками в руках. Дима тотчас узнал своего спасителя, и что-то подтолкнуло его навстречу старику. Ему захотелось сказать что-нибудь доброе, поделиться своим счастьем, произнести слова запоздалой благодарности или, может быть, просто пожать стариковскую руку. Это желание было настолько сильным и внезапным, что он не успел подготовиться. Преградив дорогу старику, Дима остановился, не зная, что сказать, с чего начать. Краска залила его щёки.

Старик с опаской покосился на мальчика, ожидая какого-нибудь подвоха. Его тревожный, чуть мутноватый взгляд подействовал на Диму отрезвляюще. Уверенность в себе сменилась растерянностью: что же дальше? Все добрые слова, которые он знал, показались ему пустыми и бессмысленными, совсем не взрослыми, ненастоящими. Тут требовалось что-то другое, что-то гораздо более важное, но этого важного у Димы не оказалось. Не говоря ни слова, он полез в карман, достал деньги, выданные ему на хлеб, и протянул их старику. На мгновение маленькие детские пальцы прикоснулись к большой, шершавой ладони. Дима отдернул руку, повернулся и побежал прочь. Его гнал стыд, стыд жёг ему щёки, и как раньше всё ликовало в нём от прилива счастья, так теперь всё замирало и сжималось в комок от накатывавшего на него стыда.

Он вбежал в квартиру, обнял удивлённую маму, прижался лбом к её животу.

– Что с тобой? – спросила мама. Дима не был чрезмерно эмоциональным ребёнком, он редко проявлял свои чувства, а если и выказывал их, то для этого всегда имелся основательный повод.

Сын поднял голову, и она с облегчением увидела его сухие глаза.

– Я потерял деньги, – сказал он тихо-тихо.

– Только-то! – воскликнула мама. – А я уж перепугалась, не случилось ли чего похуже. Что же делать, если ты такой раззява! Возьми ещё денег или, если хочешь, я сама схожу за хлебом.

– Нет-нет! – возразил Дима, – я схожу! А деньги возьму из своей копилки. – И, предвидя возражение матери, добавил: – Пожалуйста!

– Хорошо, бери из копилки, если тебе так хочется, – согласилась мама. – Ты уверен, что с тобой всё в порядке?

– Всё хорошо!

– Тогда улыбнись!

Он нехотя скривил губы. Улыбка вышла кислой и неубедительной. Увидев такую гримасу, мама не выдержала и рассмеялась. У Димы отлегло от сердца. Кривая улыбка растаяла, вместо неё на его лице неуверенно засветилась настоящая.

«Всё в порядке, – подумал он, – со мной действительно всё в порядке».

Август 2016.